

Двадцать пять лет назад маленькой ученице Киевского хореографического училища предложили выступить в праздничном концерте. Партнером ее был мальчик из старшего класса. Выступление юных танцоров понравилось всем. С тех пор прошли годы, но друг Светланы Колывановой и Тодора Попеску, ныне народных артистов республики, — продолжается. Сегодня мы публикуем беседу нашего корреспондента с ведущими солистами Харьковского академического театра оперы и балета имени Н. Лысенко, тон которой задали сами артисты, начав разговор о мужестве в балете.

Корреспондент. Почему мужество, Светлана Ивановна? Неужели оно так необходимо балерине?

С. Колыванова. И не только ей. Вообще артисту. Гражданское и человеческое мужество всегда были присущи русскому искусству. Но есть и другой аспект этого вопроса. Хорошим артистом балета можно стать только благодаря постоянному, можно сказать, самоотверженному труду и огромной силе воли. А разве это не мужество?

Т. Попеску. Кроме того, актер даже освоит технику, будет уже, как у нас говорят, мастеровитым — но если ему нечего сказать зрителю, — он, естественно, не тронет его сердце и душу. Николай Островский писал о молодом писателе, что он «растет как писатель только тогда, когда он растет как человек». Эти слова относятся и к нам, артистам. Многие создаваемые нами образы прожили уже века в классическом балете. И надо осмыслить, почувствовать то, что роднит героев прошлого и настоящего, как бы соединить времена, чтобы выделить главное, рассказать о нем пластическим языком и взволновать современников.

Корр. Когда слушаешь вас, понимаешь, как ошибаются те, кто считает профессию балерины или танцовщика легкой, беззаботной. И тут возникает такой вопрос: а не жалеете ли вы, что избрали ее себе? И что привело вас в балет, мечта или... случайность?

Т. П. Меня, увы, — случайность. А Света еще в четыре года просила бабушку: «Играй мне, бабушка, в заслон». Музыкальные инструменты в доме не было, вот в заслон, знаете, в русской печи, — и выступивали ритм.

С. К. Я родилась в деревне, в Воронежской области. Отец шофер, мать рабочая. Жили небогато. И, пожалуй, в том, что моя детская мечта состоялась, виновны добрые люди, встретившиеся в моей судьбе. В школе меня заметил на уроке физкультуры бывший сержант-фронтвик (он еще и тогда ходил в военной форме) Саенко. Сейчас не знаю, где этот человек, но сердце переполнено благодарностью к нему. Саенко пришел к нам домой и убедил отца ответить меня в Киевское хореографическое училище. Родители долго не соглашались, посмеивались. Но отец, сам бывший фронтвик, прошедший от Сталинграда до Берлина, не мог не поверить сержанту и повел меня в Киев.

Киев меня ошеломил после деревни. Да еще прекрасный, огромный театр оперы и балета, на сцене которого происходили сказочные представления. Вот только общения, столовой в училище не было. Занятия проходили в разных концах города. Дети жили на квартирах, питались как попало. И мне, девятилетней девочке, не знаяй города, показалось все это таким трудным, что через полгода я собралась сбежать и решила ехать домой.

И снова добрые люди, на этот раз педагоги училища А. В. Никифорова, В. П. Еф-

ремова помогли мне. Вызвали отца, объяснили ему, что дочери стоит учиться.

Т. П. У меня было все намного сложнее. Я родилась в румынском селе. Отца — коммуниста расстреляли фашисты за связь с партизанами. Мать умерла через неделю от горя. А нас, восьмерых детей, один другого меньше, раздали по приютам. Света тут говорила о доброте людской... Не знаю, чем кончилось бы для меня шатание из детдома в детдом (я убежал из них раз десять), если бы не пришел к нам воспита-

Т. П. Первый вопрос, который задал я Светлане, увидев ее в фойе: «Ты паспорт с собой взяла?». Через два часа мы расписались в одном из ташкентских ЗАГСов.

С. К. И начался в нашей творческой судьбе главный период — период становления. Тодор уже был премьером театра, танцевал с ведущими балеринами. А после одиннадцати часов ночи, когда кончался спектакль, он уводил меня в репетиционный зал, и до утра мы протанцовывали или «Жизель», или «Дон-Кихота». Каждое движение отшлифовывали бесконечно, с ног валились от усталости. Но снова и снова, без музыки, под тра-ля-ля Тодора, как когда-то под заслон бабушки, и его счет и... раз, и... два повторяли и повторяли одно и то же па, отдельный жест или шаг.

Т. П. Нам повезло, что руководителем был талантли-

вовщик, очень важна драматургия балета, его философия, что ли. Вот, скажем, «Жизель», где я танцую Альберта. Создавая этот образ, я шел от легенды о потустороннем мире. Жизель — она для меня витающий рядом, как дымка, призрак. Что-то прекрасное и неосознанное. Я нишу ее... В «Дон Жуане» В. Губаренко оттолкнулся от финала балета, ибо в нем увидел ключ для решения всего спектакля. Свободолюбивый рыцарь Дон Жуан гибнет, попав под влияние Анны. Гибнет, изменив своей свободе...

Корр. В театре большое значение придается внешности актера. Гамлет должен быть стройным и изящным, Джульетта — юной и прекрасной. Трудно представить Отелло маленьким и хрупким. А как в балете?

Т. П. О. в балете тонкие и хрупкие все. Но, конечно, само собой подразумевается, что принц Зигфрид обязательно высокий. Если исполнитель небольшого роста, как, например, я, ему приходится труднее. Но убежден в одном: для любого актера важно знать свои внешние достоинства и недостатки. И идти от себя, от понимания образа. И тогда ты будешь на сцене органичным, а значит, убедительным. Главное: постоянно... сомневаться. Самоуспокоение для артиста балета, да и для любого — конец творческой судьбы.

Корр. Работа в театре: спектакли, репетиции, гастрольные поездки... Бывают ли свободные у вас часы, как вы их проводите?

С. К. Как все. Занимаемся с Тодором хозяйством, ходим в кино, читаем.

Т. П. Кроме этого, Светлана занята общественной работой. Вот уже три созыва она депутат горсовета. Член партбюро и художественного совета театра.

Мы побывали во многих странах мира. В Канаде, Италии, Бельгии. В Бельгии танцевали для делегатов съезда молодых коммунистов. Светлана с артистами Большого театра выступала в Америке, Бразилии. Приятно, что в мире так любят советское искусство. Помню, в Венеции нас вызывали более десяти раз.

Корр. Успех, аплодисменты — это очень важно и приятно для артиста. Ведь столько усилий вложено в танец, который вы так легко и непринужденно исполняете потом перед зрителями. Но как горько бывает, когда в зале полупусто и некому оценить ваш труд.

С. К. Я думаю, что эта проблема — театр и зритель — может быть решена, если все мы будем больше уделять внимания воспитанию внутренней культуры у молодежи, высокого эстетического вкуса. Надо прививать любовь к хорошей музыке, живописи, литературе, к настоящим, бессмертным произведениям искусства, созданным гениями.

Сейчас мы готовим спектакль «Лесная песня» по поэтической пьесе Леси Украинки. Я надеюсь, что она привлечет сердца зрителей.

Корр. И последний, традиционный вопрос: ваша заветная мечта?

С. К. Балет Прокофьева «Иван Грозный».

Т. П. Мечтаем, чтобы он был поставлен на нашей сцене.

Беседу вел
Н. ЩЕРБАКОВА.

ВСТРЕЧА ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

БАЛЕТ— ЭТО ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

телем бывший моряк — Иван Иванович Коверга. Нас, мальчишек, поразило его браво-вид и огромное количество боевых наград. И знаете, с чего начал Иван Иванович наше воспитание? Он организовал детский духовой оркестр. Меня научил играть на трубе. Причем, я так хорошо играл на областной олимпиаде, что наградили меня чешскими ботинками («батьями», так называли мы их, и они были мечтой каждого из нас). А потом отвез меня Иван Иванович в Киевское музыкальное училище. Оно помещалось в одном здании с хореографическим. Не зная русского и украинского языка, я сумел спросить, где экзамен, мне показали, и я представился комиссии. Когда стали проверять мои ноги, спрашивать, умею ли я прыгать, а о трубе даже не вспомнили, — я удивился. Оказалось, что приняли меня не в музыкальное, а в хореографическое училище.

С. К. Потом и из училища Тодор выбирался только ночью, меня буквально замучивали бесконечными репетициями. По праву старшего поучал: «Даром ничего не дается, только через труд!».

Корр. Тодор окончил училище раньше на два года и уехал по приглашению в Ташкентский театр оперы и балета. Вы остались в Киеве. Как же снова свела вас судьба?

С. К. Довольно оригинально, хотя в общем-то мы связаны не порывали, писали друг другу. Мне кто-то сказал, что он женился. Я была страшно огорчена. В свободный от спектакля день села на самолет и, пролетев четыре тысячи километров, явилась в театр.

ый балетмейстер Михаил Львович Сатуновский. Когда-то Анатолий Франс сказал, что искусству всегда угрожали два чудовища — мастер, который не стал художником, и художник, который не стал мастером. Так вот Сатуновский был и художником, и мастером.

Корр. Скажите, Тодор, а что, на Ваш взгляд, отличает истинного художника?

Т. П. Он имеет свою точку зрения, свое видение образа, свое решение. А нехудожник, даже научившись грамотно танцевать, ничего нового не скажет зрителю. Он будет просто кого-то копировать, танцевать под Васильева или под Лиепу.

С. К. Да, постигнув пластику движения, надо постоянно стремиться, чтобы она стала выражением поиска духовного. Танец должен передать зрителю страдание, любовь, надежды, потрясти зрителя этими чувствами.

Корр. Светлана, последняя премьера театра — балет «Спящая красавица», вероятно, один из самых любимых Вами?

С. К. Да, конечно. Это ведь мечта каждой балерины, вершина, эталон классики. Но я люблю и «Жизель», и «Корсар», и «Лебединое озеро». В минувшем году танцевала Фригию в «Спартаке» и «Похищу» Минкуса, которую ставили у нас в театре замечательные балетмейстеры М. Н. Дудинская и К. М. Сергеев.

Корр. Когда-то Лев Николаевич Толстой говорил, что без новизны нет искусства. Что вы думаете об этом?

Т. П. Это истина, не требующая доказательств. Для любого художника главное — поиск. Для меня, как тан-